

РУССКИЕ В АВСТРАЛИИ

Мы продолжаем публикацию глав из книги Елены Говор «Мой темнокожий брат» в авторском переводе. Прошло уже несколько лет после прибытия семьи Ильиных на плато Атертон в северном Квинсленде. В центре раздела книги «Сын и отец», публикация которого начинается в этом номере, отношения русского писателя Николая Дмитриевича Ильина и его сына Леандро в тяжёлые годы испытаний, последовавших после революции в далёкой России.

«АМ» предваряет публикацию таким отзывом московского читателя Дмитрия Симукова, писателя и переводчика, который он прислал в редакцию: «На меня произвело большое впечатление бережное и скрупулёзное исследование Елены Говор о нелегкой жизни русской семьи в Австралии в документальном повествовании „Мой темнокожий брат“».

ЕЛЕНА ГОВОР

МОЙ ТЕМНОКОЖИЙ БРАТ

Продолжение. Начало публикации русского варианта книги в «АМ» — № № 9–19, 21–23.

Сын и отец

НАКАНУНЕ

Леандро проснулся первым. Дождь стучал по железной крыше их дома. Он шёл вчера, и идёт сегодня, и будет идти завтра — дожди здесь идут девять месяцев в году, и сейчас был сезон дождей, март 1918 года. Леандро подавил кашель, чтобы не разбудить других. Этот изматывающий кашель, и дождь, и надвигающийся взнос банку за ферму и скот иногда доводили его до отчаяния. Но сейчас, в последние минуты перед рассветом наступающего дня с его тревогами и заботами, он чувствовал себя счастливым.

Китти спала рядом с ним, прижав к себе их девятимесячного Томми. У этого смуглого малыша было непростое имя: Томас Александр Леонидас Иллин. Томас — чтобы быть своим в окружающем их австралийском мире, Александр — в честь его русской бабушки, а Леонидас — «похожий на льва» — чтобы походить на папу, Леандро, чьё имя значило «человек-лев». Сея имя, он продолжал игру с судьбой, которую начал его отец в Туркестане тридцать пять лет назад.

Флора — ей уже было два с половиной года — свернулась калачиком рядом с ним. Родители говорят ему, что она очень похожа на него, маленького. Он не ошибся, когда назвал её просто Флора. Много лет назад, в его одиноких странствиях по Южной Америке, он встретил милую девочку, которую звали Флора

ФЛОРА — ЕЙ УЖЕ БЫЛО ДВА
С ПОЛОВИНОЙ ГОДА — СВЕРНУЛАСЬ
КАЛАЧИКОМ РЯДОМ С НИМ. РОДИТЕЛИ
ГОВОРЯТ ЕМУ, ЧТО ОНА ОЧЕНЬ
ПОХОЖА НА НЕГО, МАЛЕНЬКОГО.
ОН НЕ ОШИБСЯ, КОГДА НАЗВАЛ ЕЁ
ПРОСТО ФЛОРА. МНОГО ЛЕТ НАЗАД,
В ЕГО ОДИНОКИХ СТРАНСТВИЯХ
ПО ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ, ОН ВСТРЕТИЛ
МИЛУЮ ДЕВОЧКУ, КОТОРУЮ ЗВАЛИ
ФЛОРА НИКСОН, И В ТАЙНЕ СЕРДЦА
ПОЖЕЛАЛ, ЧТОБЫ КОГДА-НИБУДЬ
И У НЕГО БЫЛА ТАКАЯ ДОЧЬ.

Ныне земля, где располагался участок Леандро, расчищена. Вид с Кэрнской тропы.

Никсон, и в тайне сердца пожелал, чтобы когда-нибудь и у него была такая дочь. И вот она с ним, его богиня цветов. Она ещё не знает, какую борьбу её родителям пришлось выдержать за её будущее, за то, чтобы она росла в семье, а не в резервации для аборигенов, но она уже отплатила им такой любовью и нежностью, которую могут дать только дочери.

Дик, которому скоро будет четыре, был уже большим мальчиком и спал со старшими детьми. Он был копией Китти — с копной чёрных курчавых волос, широким носом и тёмной кожей. Леандро был уверен, что он, их первенец, будет его настоящим другом и помощником, настоящим мужчиной, на которого можно положиться. Для старших детей Китти — Эммы, Молли и Джинджера, трёх безымянных «пиканини», за которыми три года тому назад охотилась полиция, чтобы выслать их в резервацию — он тоже был «папой». Да, он был богат, и богатство это нельзя было приобрести ни за какие деньги.

Он выскользнул из кровати, но сон Китти был чуток, и, опередив его, она сама взялась за приготовление завтрака. И вот уже теплится огонёк под навесом у стены их дома, и на походной печи греются остатки лесной индейки, которую Леандро вчера подстрелил на краю леса. С куском дампера — хлеба, который Китти мастерски пекла без дрожжей, прямо на углях — получился хороший завтрак. И дождевой воды было вдоволь — не

надо спускаться за водой вниз, к ручью Карибу, — и вот уже закипает их походный котелок «билли». Леандро ел, сидя у огня, а Китти кормила полусонного Томми; все остальные ещё крепко спали. Было так тихо, что казалось, что во всём мире были только они трое, счастливые вопреки всему. Им больше не надо прятаться в джунглях от полиции, и у них есть свой дом, который Леандро сам построил из горбыля. И хотя их снобы-соседи шутят, что он больше походит на туземный шалаш «миа-миа», — это их настоящий дом. Их хижина стояла на хребте между двумя ручьями, впадавшими в Карибу крик¹, окруженная расчищенным участком леса — 42 акра были засеяны травой, а на двух даже высажена кукуруза и разбит огород.² Было куплено уже несколько коров, но большой прибыли они пока не приносили, а день платежа банку за взятую ссуду неумолимо приближался... И теперь Леандро пора было начинать свои дневные труды, свою работу перевозчика сливок и почтальона, которая давала хоть немного денег.

Он простился с Китти, погладил темноволосую головку заснувшего Томми, накинул свой плащ-дождевик и двинулся вниз через джунгли к соседнему участку Ромелио. Выше по хребту шла лесная дорога — Кэрнский почтовый тракт — но он редко ею пользовался, особенно в сезон дождей, когда её размывало так, что она становилась непроходимой. Прожив столько месяцев с аборигенами, он чувствовал себя здесь, как дома, и умел находить дорогу в джунглях. День уже начался, но под сводами леса всё ещё витали предрассветные сумерки, было тихо, и только дождь бормотал свою бесконечную песню в листве, высоко над головой. И вдруг с края леса раздалось громкое «чуу-чуу-чуу-чуу!» — это была чаучилла, лесные часы, возвещающая

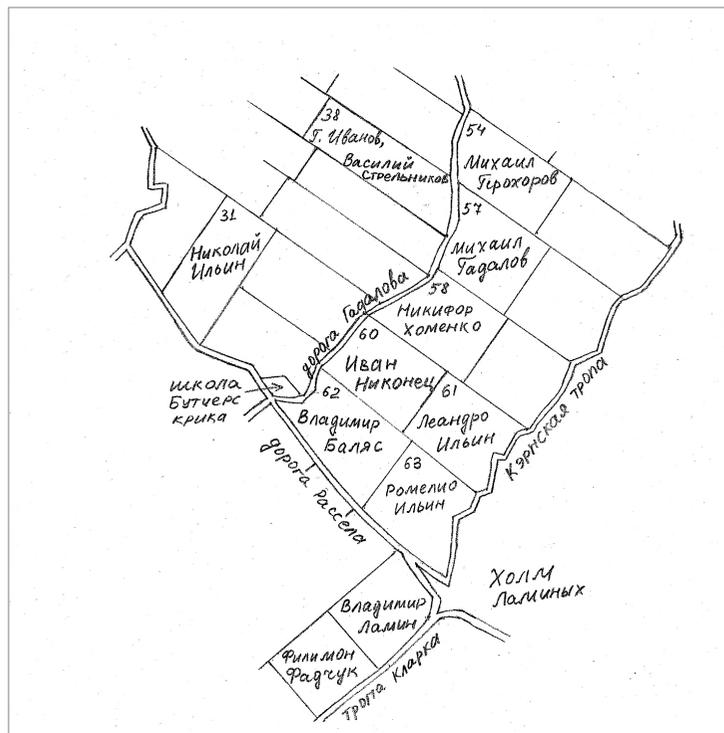
¹ Creek (англ.) — небольшая река или ручей.

² Здесь и далее в этой главе описания основаны на документах о фермах Ильиных в Государственном архиве Квинсленда (QSA, LAN/DF, 89, Atherton 1545, 1546, 1547), а также на архивной документации о фермах соседей Ильиных, воспоминаниях местных старожилов и путешественников, отчетах о заседаниях местного совета, публикациях в газете «Cairns Post» и впечатлениях от моих собственных походов по местам жизни Ильиных.

начало дня, и через несколько мгновений весь лес наполнился голосами птиц. Скоро Леандро вышел к вырубке на участке Ромелио. Он был не таким холмистым, как его надел, и дела у Ромелио шли хорошо — 48 акров земли расчищено и засеяно травой, и готов участок для посадки сада. Дом Ромелио — это был настоящий дом, построенный их соседом Михаилом Гадаловым — стоял недалеко от дороги Рассела. Скот бродил в высокой траве. Леандро запряг двух своих волов, которые паслись на выгоне у Ромелио, в рессорную повозку. Ярмо он прикреплял к рогам волов на южноамериканский манер, и поэтому некоторые люди в соседнем городке, Маланде, считали его мексиканцем. Этой «мексиканской» славе способствовали также их необычные имена, да ещё искусство Ромелио в использовании лассо и болас (верёвки с грузами на концах, которую индейцы использовали для охоты на гуанако). Ромелио вышел ему навстречу, и братья решили отправиться к родителям сегодня вечером — как раз была суббота, когда обычно сходилась вместе вся семья. Леандро погрузил на повозку первый бидончик со сливками, и его упряжка медленно двинулась по раскисшей под дождём дороге Рассела.

Ламины были первыми. Их бидоны со сливками уже стояли у края дороги. Эти русские интеллигенты пока справлялись вдвоём, но вскоре подрастёт их сынок Альфи и сможет помогать им по утрам с дойкой коров. Леандро чувствовал, что он был в ответе за судьбу этого малыша.

БЫЛО ТАК ТИХО, ЧТО КАЗАЛОСЬ, ЧТО
ВО ВСЁМ МИРЕ БЫЛИ ТОЛЬКО ОНИ
ТРОЕ, СЧАСТЛИВЫЕ ВОПРОКИ ВСЕМУ.
ИМ БОЛЬШЕ НЕ НАДО ПРЯТАТЬСЯ
В ДЖУНГЛЯХ ОТ ПОЛИЦИИ, И У НИХ
ЕСТЬ СВОЙ ДОМ, КОТОРЫЙ ЛЕАНДРО
САМ ПОСТРОИЛ ИЗ ГОРБЫЛЯ.
И ХОТЯ ИХ СНОБЫ-СОСЕДИ
ШУТЯТ, ЧТО ОН БОЛЬШЕ ПОХОДИТ
НА ТУЗЕМНЫЙ ШАЛАШ «МИА-
МИА», — ЭТО ИХ НАСТОЯЩИЙ ДОМ.

Русские участки в Маленькой Сибири в 1918 г.

Ариадна и её новый муж, Джек Макай, привезли его год назад в Бутчерс крик.

Восемьдесят лет спустя его историю рассказала мне Флора.

«Его привезла моя тётя Ара, она привезла его из Брисбена с Джеком Макаем, когда они поженились. Когда они садились на поезд, бывшая подружка Джека — она была из Греции или ещё откуда-то — пришла к поезду с малышом и говорит: „И что же ты собираешься делать? Ты мне давай присылай деньги, чтобы я могла содержать твоего ребёнка“. И тогда моя тётя говорит: „Нет, мы его сами возьмём“. Взять-то его она взяла, но она за ним не смотрела, она была очень жестокой к нему. Она была сильной женщиной. Ей по плечу было всё, что делали мужчины. Она могла строить, она могла готовить, она могла ездить на лошадях. Очень сильная женщина. Но она была и жестокой женщиной.

А тут были эти люди, Ламины, и у них не было детей. И мой отец сказал ей однажды: „Послушай, ты слишком жестока к этому малому, почему бы тебе не отдать его кому то, кто будет смотреть за ним и будет добр к нему? Ты ужасна“. И она сказала: „Ну и заberi его, пока я его не прикончила“. Тогда мой отец пошёл поговорить с Ламиными. И они сказали:

„Ладно, мы его возьмём, если она готова его отдать“. Они назвали его Альфи. Тогда он был совсем малым парнишкой. Он не знал, что его усыновили до самой смерти Ламиных. Я его навещала в Брисбене незадолго до его смерти несколько лет тому назад».³

После этого конфликта дружба Леандро и Ары, дружба старшего брата и маленькой сестрёнки, которая была у них в Корковадо, уже не вернулась. Хуже того — она так и не приняла его женитьбы на темнокожей женщине.⁴ Равенство-то, чему учил их отец — оказалось для неё пустым звуком. Только родители и были на его стороне.

Леандро часто думал, что иногда легче бывает проповедовать о своих убеждениях всему миру, чем соблюдать эти принципы в своей собственной семье. И теперь у него появилась новая причина для беспокойства, и на это раз это был Ромелио. Китти как-то упомянула, что у женщины в Бунджи, где была стоянка аборигенов, было двое детей от Ромелио, но он, как кажется, и не собирался жениться на ней. Ну что ж, они вырастут аборигенами, и, как знать, может быть, это и будет к лучшему для них,

подумалось Леандро. Ведь уже сейчас, когда он ездил с Китти и с детьми в Маланду или Пирамон, он часто замечал иронические взгляды окружающих. Да и в любом случае, у Леандро не было мужества обсуждать с Ромелио эту тему. Единственный местный житель, который последовал его примеру и легализовал свои отношения с аборигенкой, был старый Том Деньер, старатель из Бунджи, который женился на Эмили, матери Китти, в 1916 году. Леандро пришлось встретиться в Бликли, протектором по делам аборигенов, во время его визита в Атертон, чтобы получить разрешение на этот брак. Пресвитерианский священник обвенчал их в доме Николая. Леандро и француз Чарли Сиври, де-факто муж другой дочери Эмили, Джулии, были свидетелями.⁵ Эти три европейско-аборигенских четы открыто праздновали свой союз вопреки всем царившим вокруг расовым предрассудкам.

Он думал обо всём этом, двигаясь со своей упряжкой по дороге и собирая бидоны со сливками. Давидсоны, Майлеры, Линчи налево, семья Балясов направо. Наконец он дошёл до школы Бутчерс крик и повернул направо, через мост на Баляс крике по дороге Гадалова. А у школы этой была непростая история.

В 1913 году, вместе с другими первопоселенцами, Леандро участвовал в её строительстве: Гектору, сын Ариадны, было почти четыре, и скоро ему предстояло пойти в школу. Первым учителем в школе стал старожил Джон Тайт, седобородый джентльмен лет шестидесяти, который в молодости получил неплохое образование, однако с тех пор он занимался разведкой ценных металлов и работал старателем. Он был, кстати, одним из первооткрывателей залежей вольфрама в этих краях. Тайт был интересным собеседником, и Леандро любил заходить к нему на огонёк — его лагерь был неподалёку. Его обычной едой были дампер и чай, заваренный в котелке «билли» на костре. Леандро это вполне устраивало, чего нельзя сказать о школьном инспекторе Маккенна, который был

Современный вид школы в Бутчерс крик.

³ Tapes 3B466, 6A134 — EGA.

⁴ Боль этого конфликта не ушла до сих пор. Недавно Флора упомянула в разговоре со мной: «Тетя Ара и мой отец никак не ладили. Ей было не по душе, что он женился на чернокожей женщине. Ей не нравилось, что мы были „черномазыми“. Не то чтобы она злилась на мою маму, она злилась на него. С ним она была на ножах». Tapes 2A399, 3B429 — EGA.

⁵ QSA: CPA, 16/2728; General Registry Office, Brisbane, Thomas Denyer and Emily Russell marriage certificate 16/3045.

шокирован, когда Тайт угостил его куском своего дампера во время его инспекционного визита.

Дампер, впрочем, был последней каплей. Что уж тут было говорить о его одеянии, — жаловался как-то Маккенна Николаю Ильину. (Участок Николая был рядом со школой, и в таком медвежьем углу инспектору было приятно побеседовать с образованным человеком, который, когда ему не хватало английских слов, переходил на французский, немецкий, а то и на латынь с греческим). Во время одного из визитов, жаловался Маккенна, Тайт был в грубых сапогах, без воротничка, в цветной рубашке и в старом пиджаке с прорехами. Во время другого визита он был вообще без пиджака, в рубашке с расстёгнутыми рукавами, в грязных штанах, а уж сапоги он не чистил несколько недель. Ко всему этому, он понятия не имел, как писать отчёты и не занимался упражнениями с учениками. Николай пытался возразить, что главным для учителя были его идеи — те, о которых русский поэт сказал: «Сейте разумное, доброе, вечное» — а не его платье, да и господин Тейт едва ли имел условия, чтобы добиться успеха, ведь все дети здесь были заняты дойкой коров, вставали они затемно, а в школу приходили поздно — каждому надо было подоить с десяток коров до школы. Маккенна, в конце концов, прислушался к совету родителей, которые требовали, чтобы Министерство образования сместило этого старателя-джентльмена и прислало вместо него учительницу-леди.

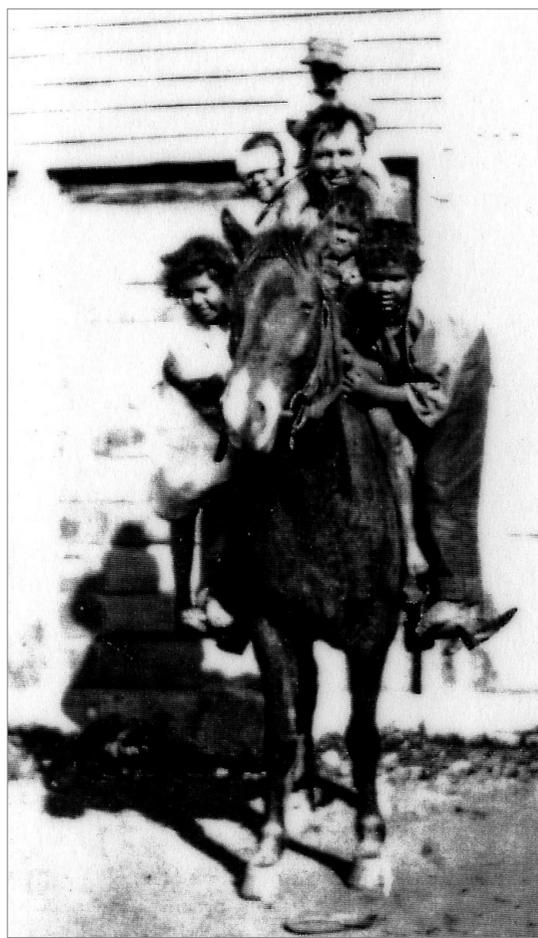
Наконец Тейт был уволен, и пришла очередь нескольких леди, которые долго в школе не задерживались. Первая, Гертруда Ирвинг, попросила об отставке сразу по прибытии: «Меня не удовлетворяет жизнь в буше, а это место такое отдалённое. Жизнь в таком глухом месте слишком одинока для молодой девушки». После этой неудачи родительский комитет попросил прислать им «женщину-учительницу с опытом жизни в буше» и обещал предоставить ей в пользование «лошадь и седло». Мэри Морони согласилась было на столь «соблазнительное» предложение, но долго не выдержала и уволилась в начале 1917 г. И, наконец, приехала Ханна Беннетт — женщина,

оказавшаяся в отчаянной ситуации: она оставила мужа и сама растила троих детей, работая учительницей. Она поселилась в хижине Флетчеров, недалеко от Ильиных, и Николай чувствовал симпатию к этой нервной, одинокой женщине.

Началось строительство новой школы, которая заменяла первую, временную. Всё шло хорошо, и наконец то, думал Николай, эти сельские дети обрели настоящего учителя. Но вскоре начались трения между миссис Беннетт и семьёй Флетчеров. Трения перешли в открытую конфронтацию, и конфликт постепенно захватил всё местное население и даже детей. Миссис Беннетт переселилась в старое здание школы, испытывая постоянные притеснения и оскорбления от соседей, вероятно, Флетчеров. Она решила дать ответный бой, начав раскрывать «безнравственность» среди грубых детей этих грубых фермеров. Она видела её везде — безнравственность была и в секретном обществе старших мальчиков, которое включало и русских ребят, и в сексуальной осведомлённости детей, что было немудрено, т. к. они росли на фермах; похабные слова мнились ей написанными на грифельных досках и в книгах, и даже в, казалось бы, невинной игре в прятки за поваленным деревом миссис Беннетт распознала недостойное поведение одного из сыновей Гадалова и местной девочки. К «расследованию» в качестве свидетеля была привлечена Лейла Прохорова. Война в этой

**Вывоз брёвен на волах в окрестностях Пирамона
(из коллекции библиотеки штата Квинсленд).**

На этом снимке Леандро со своей командой несколько лет спустя, но счастье на лицах — все то же.

злосчастной сельской школе, в конце концов, вызвала разбирательство констебля Пайка, инспектора Маккенны и Министерства образования в Брисбене.

Гектор каждый день приносил домой новости о событиях в школе. Эта маленькая школа, которая поначалу в глазах Николая символизировала британское стремление к знаниям, тонула в трясине человеческой ненависти и низости, и русские дети оказались невольно замешанными в это. Может быть, это была их плата за подозрение к русским, вызванное революцией, которая разворачивалась в далёкой России. Николай размышлял обо всём этом, подрезая ветви деревьев в своём молодом саду, и тут ему пришла в голову простая мысль о том, как остановить эту склоку не при помощи полиции и школьного инспектора, а с помощью чеховского Вишнёвого сада. Как ни грубы были окружающие люди, не может быть, чтобы они, и особенно их дети, не отплатили добром за добро. И он отправился в школу. Семьдесят лет спустя Эдгар Шорт напишет об этом дне:

«Мистер Иллин, очень культурный старый джентльмен с длинной седой

бородой, который говорил на нескольких языках, ... посадил персиковый сад, и одно из моих лучших воспоминаний о школе в Бутчерс крик был день, когда персики созревали, и всю нашу школу приглашали в его сад, и разрешали есть их от пуза, что мы, конечно, и делали».

Что было слаще — персик или встреча с чужой щедростью, со щедростью, которая шла не от богатства, а от сердца? Для этих детей, маленьких рабов каждодневной дойки, окружённых одной прозой грубой жизни, это было первым открытием многомерности человеческих отношений и иррациональной русской души. А для самого Николая это было покаяние за его страдающую Родину, где бывшие любители Чехова, разделившись на белых и красных, заливали его вишнёвые сады потоками крови...

Никифор Хоменко, который в заоблачных мирах не витал, истолковал поступок Николая по-своему, и бесплатно возвёл четырехпроволочный забор на эвкалиптовых столбах вокруг школьного участка.⁶

Повозка Леандро двигалась теперь вверх по дороге Гадалова, он собирал сливки и разносил почту, которую вчера привёз из Пирамона — почтовыми ящиками здесь служили старые жестяные канистры от продуктов, поставленные на столбик. Открывая дверцу такого импровизированного почтового ящика Леандро всегда был настороже — однажды он обнаружил в нём ядовитую чёрную змею.⁷ Здесь располагались все русские участки — Никонец, Хоменко, Гадалов, Стрельников, у них дела шли хорошо, и у ворот стояли по одному, а то и по два бидончика со сливками. Недавними поселенцами на этой дороге была интеллигентная семья Прохоровых, взявшая участок в 1916 году, но даже они уже расчистили достаточно земли, чтобы завести коров. Сегодня им снова не было почты — русская газета «Рабочая жизнь», которую они выписывали,

⁶ Факты об истории школы в Бутчерс крик взяты из QSA: EDU/Z 436, Butchers Creek School; E. H. Short, The Nation Builders, Dimbulah, 1988, p.86.

⁷ L.Illin, The Snake Question (Letter to the editor). — Cairns Post, 4 May 1921, c.2.

а потом пускали по кругу среди соседей, была закрыта. Крис Фрай, через дорогу от них, ещё только расчищал участок, и собирался записаться в армию и отправиться на войну, гремевшую далеко в Европе. На самом дальнем участке жила семья Гусбертуса де Бруэйса из Амстердама — у них было семеро детей. Леандро погрузил их бидончик, развернул повозку и двинулся вниз, к школе, отсюда был поворот направо, в Пирамон, по дороге Рассела.

Едва миновала мимо стена леса, все ещё окружавшего хижину Флетчеров, как перед ним раскрылся расчищенный участок на ферме его родителей. Он прошёл вдоль трехпроводного забора-то был их с Ромелио дебют в этом австралийском искусстве, и теперь он мог видеть многие огрехи, — и остановился у ворот фермы. Здесь его ждали не только бидончики со сливками, но и пакет с пирожками, которые мама испекла для него ранним утром. Завёрнутые в полотенце и клеёнку, они всё ещё были тёплыми. Он достал пару пирожков, чтобы подкрепиться, оставив остальные для детей. Это его немного подбодрило, а тут и солнце проглянуло где-то над верхушками деревьев.

А хорошее настроение было ему, ох, как нужно, поскольку впереди лежала самая трудная часть пути. Окрестные фермеры, чтобы как-то свести концы с концами, начали продавать древесину со своих участков на железнодорожную станцию в Пирамоне. Огромные брёвна вывозили на упряжках волов, и тяжёлые повозки вконец разбили дорогу. Колдобины и выбоины на ней перемежались с глубокими колеями, наполненными непролазной грязью. Провести по этой дороге волов, оскользающихся на выбоинах в красной грязи, было большим искусством. В низинах грязь доходила волам до живота, и Леандро приходилось останавливаться, чтобы нарубить ветвей и замостить самые непролазные участки. Промозглый дождь, кашель и эта работа в грязи изматывали его вконец, но всё же повозка упорно преодолевала холм за холмом, и вот уже первые дома Пирамона проглянули сквозь прогалину в лесу. Здесь дорогу поддерживали, и повозка Леандро легко прогромычала

ПОВОЗКА ЛЕАНДРО ДВИГАЛАСЬ
ТЕПЕРЬ ВВЕРХ ПО ДОРОГЕ ГАДАЛОВА,
ОН СОБИРАЛ СЛИВКИ И РАЗНОСИЛ
ПОЧТУ, КОТОРУЮ ВЧЕРА ПРИВЁЗ
ИЗ ПИРАМОНА — ПОЧТОВЫМИ
ЯЩИКАМИ ЗДЕСЬ СЛУЖИЛИ СТАРЫЕ
ЖЕСТЯНЫЕ КАНИСТРЫ ОТ ПРОДУКТОВ,
ПОСТАВЛЕННЫЕ НА СТОЛБИК. ОТКРЫВАЯ
ДВЕРЦУ ТАКОГО ИМПРОВИЗИРОВАННОГО
ПОЧТОВОГО ЯЩИКА ЛЕАНДРО
ВСЕГДА БЫЛ НАСТОРОЖЕ —
ОДНАЖДЫ ОН ОБНАРУЖИЛ В НЁМ
ЯДОВИТУЮ ЧЁРНУЮ ЗМЕЮ.

по центральной улице мимо нескольких магазинов, кузницы и двухэтажной гостиницы с пабом и оказалась на другой стороне посёлка, у железнодорожной станции. Здесь сливки грузили на поезд и отправляли на маслозавод Голден Гроу в Атертоне. В Маланде, которая была поближе, тоже строили маслозавод, и скоро Леандро сможет доставлять сливки туда. Оставив свой груз и заглянув на почту — из России по-прежнему никому писем не было — Леандро отправился в обратный путь. Без груза путь был гораздо легче.

Когда, несколько часов спустя, он вернулся домой, дети окружили его: «Папа, а сегодня ты сможешь остановить дождь?» «Ну, что ж, попробуем, — сказал он, — всего-то и надо назвать сорок лысых человек — кто у нас тут лысый?» Имена так и посыпались — мистер Флетчер, мистер Джонс, а ещё Билли в лагере аборигенов...⁸ Пока Китти готовила поесть, было самое время поиграть. Джинджер просто лопался от новостей: «Мы нашли вход в нору утконоса над криком, пойдём, мы тебе покажем». И, наперебой рассказывая о событиях дня, они потащили его вниз, к крику⁹ Карибу. Леандро не делал никаких различий между своими родными детьми и детьми

⁸ Об этой, давно забытой в России примете, все еще помнит Флора.

⁹ Creek (англ.) — небольшая река или ручей.

Китти, и старшие дети ценили это. Он принёс им то, чего не было в их традиционной культуре. Ведь в ней до момента инициации был барьер между детьми и их отцами и другими взрослыми мужчинами; дети принадлежали своему миру и миру матерей. Джинджер, Молли и Эмма хорошо усвоили это правило, пока жили с аборигенами в лагере. Но теперь этот большой белый человек принёс им новый стиль отношений между взрослыми и детьми. Когда выдавалась свободная минутка, он самозабвенно возился с ними, деля их игры и восхищаясь их знанием жизни буша, которому они научились от матери и её соплеменников. Но временами он был очень строг и обращался с ними как с равными, как со взрослыми. Когда они вместе работали, они знали, что это будет настоящая работа, а не развлечение, и они старались изо всех сил, работая не за страх, а за совесть, чтобы заслужить похвалу «папы», для которого они были настоящими помощниками. И он всегда был честен и справедлив с ними. Всегда-всегда.

Они спустились к крику и, прильнув к стволам древовидных папоротников, нависающих над ручьём, с затаённым дыханием уставились на воду внизу. Джинджер сделал знак Леандро не высовываться вперёд, поскольку его тень могла спугнуть утконоса. Их терпение было награждено, и утконос наконец-то показался из норы. Он плавал в прозрачной воде разыскивая еду. Когда он снова вернулся в нору, Джинджер сказал: «А я знаю, что значит Карибу на нгаджон, моя бабушка говорит, что это значит „много“, и она рассказала мне легенду об этом крике, в который впадает много ручейков». «А я тоже знаю легенду, об утконосе», — сказала обычно застенчивая Эмма.

Но никто из них не успел рассказать свою легенду — с дальнего конца их вырубки раздалась перепуганные детские вопли. Они все бросились на помощь и обнаружили сыновей Хоменко — Билли и Джонни. Почти восемьдесят лет спустя Билли, посмеиваясь, рассказывал мне об этом дне: «На краю участка, где было огромное дерево с дуплом, Леандро держал козу. Мы были ещё малыми и пошли туда раз с отцом и эта чёртова

коза вышла из дупла, да как бросится на нас! Ой-ёй! Ну, и вопили мы! Мы думали: она нас сейчас сожрёт».¹⁰ Расчищенный участок Никифора Хоменко был на другой стороне горного отрога у северного притока крика. Никифор часто переходил крик вброд и поднимался к Леандро за советом. Его дети — пятилетний Билли и четырёхлетний Джонни, светлоглазые и голубоглазые, как отец, — говорили только по-русски. Когда они приходили с отцом к Леандро, Дику, запомнившему много русских слов от своих «Деда» и «Бабы»,¹¹ приходилось служить переводчиком с русского на английский и нгаджон.

После еды Леандро объявил, что сегодня они отправятся в гости к Бабе и Деду. Конечно, все захотели идти, но в конце концов было решено, что старшая, Эмма, останется дома с матерью: смотреть за Томми, которому что-то нездоровилось. Джинджер привёл с пастбища их лошадь, смирную кобылку, и приладил большой мешок перед седлом. Мешок этот был необычным — оба конца у него были зашиты, а посередине одна сторона прорезана, так что с двух боков лошади свешивалось по карману. Вскоре все были готовы — Леандро в центре в седле, Джинджер в одном кармане, Дик с Флорой — в другом, а Молли на передней луке седла перед отцом. Они помахали Китти и отправились в путь — вверх по холму до вырубки Ромелио, а затем — с ветерком! — по дороге Рассела. Ну, разве не счастье! Эдгар Шорт вспоминал о технике их поездок десятилетия спустя. Его, сельского мальчишку, поразило, конечно, необычное применение распоротого мешка, но самым удивительным было то, что белый мужчина был беззаветно счастлив с кучей аборигенских ребятишек, сидящих в нём.¹² ■

Продолжение следует.

¹⁰ Tapes 4B106, 5B078 — EGA.

¹¹ Англоязычные и испаноязычные внуки и правнуки Николая и Александры до сих пор называют их Деда и Баба.

¹² Short, The Nation Builders, с. 87.